

«БЫЛ ЕДИН НАРОД СЛАВЯНСКИЙ...»

КОСОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Иван ЧАРОТА,
профессор, доктор
филологических наук,
заведующий кафедрой
славянских
литератур БГУ

Реальность такова, что в итоге глобальных геополитических и этнополитических катаклизмов восточнославянская (как и южнославянская) общность подверглась очередному разделению, вызывающему отчуждение и противопоставления. Соответственно, наиболее близкородственные (во всем мире!) народы стали гражданами государств не только обособленных, но и выбирающих отнюдь не одинаковые ориентиры для самоопределения и дальнейшего развития, а при этом новоявленные «вожди» и «пророки» зачастую искомное родство уже игнорируют. Несмотря на все указанное, а в известной степени именно поэтому, я как гражданин восточнославянского государства, стремящегося сохранять узы родства и укреплять славянскую взаимность, а тем более как ученый-славист и писатель, уже три с половиной десятилетия жизни посвятивший взаимодействию и утверждению братских культур, считаю своим долгом изложить точку зрения тех близкородственных народов, для которых всегда, ныне и присно свято устремление равноапостольных Кирилла и Мефодия: «...*Вся языки Словенския утвердити в православии и единомыслии, умирити мир и спасти души наша*». А так думающих и чувствующих, смею заверить, среди восточных славян большинство искони, со времен знатного летописца Нестора, с гордостью свидетельствовавшего: «*Был един народ славянский...*». Увы, летописцы нынешнего времени аналогичного свидетельства оставить потомкам не могут. Однако это вовсе не значит, что для нас и потомков наших утратило ценность кирилло-мефодиевское наследие, а тем более что перестала быть актуальной задача умирения мира и спасения душ. Наоборот, особенно теперь это должно бы выйти на первый план во всех наших земных заботах и делах.

Постараюсь отразить взгляды и мнения, преобладающие в среде моих непосредственных соплеменников, белорусов, которые так или иначе свою историческую судьбу неизменно соотносят с судьбой сербов. А для этого – при известных и часто подчеркиваемых различиях – есть немало оснований. Общего у нас больше, чем кажется на первый взгляд. Укажу на некоторые моменты. Белорусов, как и сербов, примерно 10 миллионов, в рассеянии нас тоже около 2 миллионов. И мы, если пользоваться выражением Й. Цвиича, поставили свой дом на большой проезжей дороге. Восток мы для Запада, а Запад для Востока. И также стремимся быть *над Западом и Востоком*, оставаясь пока свои на своем. Исторический путь наш – тоже голгофский: крещены мы в православии, извели жесточайшие гонения на веру предков, подвергаясь жесточайшей униатизации, так что во второй половине XVIII века мало в каком белорус-

ском городе оставался православный храм; в Первую мировую войну потеряли каждого четвертого соплеменника, а во Вторую мировую – каждого третьего; значительные части наших этнических территорий сейчас находятся в границах сопредельных государств. Если обозреть непосредственно историю взаимного познания, духовно-культурного взаимодействия белорусов и сербов (естественно, в более широких рамках восточнославянско-южнославянских контактов), нельзя не отметить, что в эпоху средневековья весьма важными для духовного просвещения вообще и для развития словесности в частности, равно как и храмо-строительства, иконописи, фресковой церковной живописи, на белорусских землях были так называемые «южнославянские влияния», а в них конкретно – сербский фактор. Достаточно вспомнить результаты деятельности Цамблаков – митрополита

Киприана и непризнанного митрополита Григория, а также знаменитого агиографа Пахомия Лагофета Серба, анонимного (но известно, что серба) автора жития святых Литовских мучеников и (опять-таки серба) Нектария, расписавшего Благовещенскую церковь Супрасльского монастыря. Между прочим, в росписи Нектария специалисты обнаруживают сходства с фресками храмов Црне Реке, Печкой Патриархии, Грачаницы (см., например: Рогов А.И. Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 321–334). Необходимо подчеркнуть: в сознании наших предков издревле Косово и Метохия в определяющей степени обуславливали представление о Сербии вообще. И это передавалось из рода в род! Так, в нашей письменности имеется свидетельство непосредственно времени Косовской битвы, принадлежащее перу Игнатия Смольнянина (вторая половина XIV века), автора «Хождения в Царьград» (1389–1393 годы), которое известно в двадцати четырех (!) сохранившихся списках XV–XVIII веков. Диякон Игнатий тогда сделал следующую запись: «В неделю минухом град Дафнусию и Корфию, и приидохом в град Австравию. И ту постоя митрополит, пытая вести о Аморате. Бяше бо Аморат пошел ругаться на сербьскаго князя Лазаря, и бысть весть: убиша бо на суиме обою: и Амората, и Лазаря. И убо яшесь мятежа, занеже бехом в Турьской державе, и отпусти митрополит черньца Михаила, а владыко Михаил мене, Игнатя, а Сергей Азакви своего черньца. И поидохом от Австрави в неделю перед Петровым днем...» (цит. по: Книга жыцій і хаджэнняў / Укладанне, прадмова і каментарыі А. Мельнікава. Мінск, 1994. С. 146). Более того, в пространных вариантах «Хождения» содержится отдельная «Повесть об Амурате и битве на Косовом поле»!

Безусловно, следует отметить заслуги уже упоминавшегося Григория Цамблака (1365–1419?), по воле князя Витовта в 1414 году поставленного Митрополитом Киевским и Литовским с кафедрой в Вильне и резиденцией в Новоградке. Его «слова», «похвалы»

и проповеди переписывались на протяжении XV–XVII веков во многих белорусских монастырях – Жировичском, Лавришевском, Слуцком, Супрасльском. Как известно, Григорий дал основательную картину и церковной, и светской жизни Сербии в «Житии и жительстве святого великомученика в царех Стефана Сербскаго, иже в Дечанах...». Но в связи с темой нашего выступления не менее важно то, что в его «Слове о переносе мощей святой Пятницы из Трнова в Видин и Сербию» (1404–1405) содержится возвышенное прославление земли Сербской: «В каких странах столько монастырей таких больших и славных, скажи мне, в каких городах?! Где еще столько неисчислимого монашества, которое ангельской и несвязанной жизнью живет?». Григорий Цамблак землю Сербскую знал и ценил прежде всего по

Косовско-Метохийскому краю, поскольку до того, как обрелся в Западной Руси, он был игуменом Дечанского монастыря – причем в Дечанах послушание нес в 1402–1406 годах, через непродолжительное время после Косовской битвы, когда правил наследник князя-мученика Лазаря, да и сам перенос мощей святой Параскевы осуществлялся при княгине Милице и Стефане Лазаревиче Высоком. Рискну предположить, что именно благодаря Григорию Цамблаку получил необычайно широкое распространение в Руси Западной (или, как ее называли еще, Литовской), то есть на землях нынешней Беларуси, культ Параскевы Сербской.

ЧАРОТА

Иван Алексеевич.

Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1974). Работал учителем в средней школе. С 1977 года – преподаватель БГУ, с 1988-го – доцент кафедры русской советской литературы.

Доктор филологических наук. Публикуется как критик, литературовед и переводчик с 1978 года. Переводит с сербско-хорватского, словенского, македонского, украинского языков.

Кроме того, несколько позднее во всей Руси известными стали «Житие деспота Стефана Лазаревича», написанное Константином Философом (Костенечским), «Житие Стефана Высокого», «Житие Стефана Дечанского» и «Хронограф» авторства Пахомия Лагофета. Кстати, Косовская битва и жизнь Сербии после этого судьбоносного события упоминаются в ряде хронографических текстов, создававшихся и распространявшихся в Великом княжестве Литовском на протяжении XV–XVII веков.

В XVIII веке внимание к Сербии, непосредственно к Косову и Метохии в том числе и соответствующее почитание духовно-

культурного наследия сербов в западнорусской среде стимулировал Михаил (Мануил) Козачинский (1699–1755), автор таких произведений, как «Трагедия, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша пятого и о падении сербского царства» и «Приславна Сербіје» (в переработке архимандрита Йована Раича – «Прискрбна грлице»). После службы преподавателем и ректором Славяно-

Латинской школы в Сремских Карловцах, Козачинский был профессором Киево-Могилянской академии, а впоследствии стал «коадьютером» Киевского митрополита на белорусских землях, архимандритом Свято-Троицкого монастыря в городе Слуцке, где и почил в бозе.

Духовно-культурные связи восточных славян с сербами, естественно, были разноплановыми. Поэтому никак нельзя обойти вниманием роль сербов, посещавших в конце XVIII – начале XIX века наши земли. В частности: Йована Раича (ученика Михаила Козачинского), Симеона Пищевича, Герасима Зелича, Саввы Текелии, Доситея Обрадовича, Эмануила Янковича, Вука Караджича, святого Петра Цетиньского (Петра I Петро-

вича Негоша), Вука Радонича, который обучался в Шкловской школе генерала Зорича, а впоследствии стал черногорским губернатором... И, конечно же, самого Симеона Зорича-Неранджича, с 1778 по 1799 год, то есть целых два десятилетия, прожившего в белорусском местечке Шклов, основавшего там упомянутую школу с хорошей библиотекой, в которой были и книги на сербском языке. Кстати, прошлым летом в городе установлен памятник Зоричу.

Это, конечно, отдельная тема, но следует помнить также о личностях, вроде бы не имеющих прямого отношения к рассматриваемой теме. Скажем, об известных участниках освобождения Балкан, генералах Иосифе Гурко (1828–1901, уроженце деревни Высочаны Оршанского района Витебской области) и Михаиле Черняеве (1828–1898), проведенном детство и последние годы жизни в деревне Тубышки Круглянского района Могилевской области, где его навещал сербский генерал Савва Груич. Примечательно, кстати, что отец Михаила Черняева – выпускник Шкловского кадетского корпуса, не говоря уже о «русском консуле» Григории Щербине, в полном смысле разделившем судьбу сербского населения Косова и Метохии. А тем паче о герцеговинце протоиерее Иоанне Пичете (1844–1920), преподавателе церковной истории и ректоре Полтавской духовной семинарии, а также ректоре Витебской духовной семинарии, отце известного советского историка-слависта Владимира Пичеты (1878–1947), академика и первого ректора Белорусского государственного университета, генетическая память которого тоже неизменно давала о себе знать.

Особого внимания заслуживают уроженцы Беларуси Александр Будзилович, Александр Погодин, Александр Соловьев – выдающиеся деятели, которые формировали общее для сербов и восточных славян духовно-культурное пространство и единое пространство историческое.

Не случайно и то, что в числе первых иконописных образов сербских святых – лик князя-великомученика Лазаря наряду со святыми Симеоном и Саввой. Еще более убедительно это иллюстрируется обращением к соответствующей тематике пи-

Одна из православных церквей в Косово

сателей русских (например, А. Пушкина, А. Хомякова, Ф. Достоевского, Е. Чирикова, Ю. Кузнецова, Ю. Лоцица, Т. Глушковой, иеромонаха Романа и др.), украинских (Т. Шевченко, М. Шашкевича, И. Франко, Ю. Федьковича, М. Рылского, Л. Первомайского и др.), белорусских (М. Богдановича, Н. Гилевича, Г. Пашкова, М. Познякова, В. Спринчана и др.).

Обязательно следует обратить внимание на то, что у наших предков и современников общее представление о сербах складывалось по описаниям и характеристикам, содержащимся в косовском эпосе, который представил изумительную галерею народных типов – не только героев-участников битвы (князя-мученика Лазаря, мужественного самоотверженного Милоша Обилича, Бановича Страхины и воинов иже с ними), но и жены, матери, сестры, возлюбленной (княгини Милицы, Матери Юговичей, Косовки Девушки), а также брата, друга, соратника, слуги (Бошко, Иван Косанчич, Голубан)... Это образы идеальные и обобщающие, олицетворяющие не одно событие и даже не отдельно взятую эпоху. Это, можно сказать, запечатленный соборной эпической памятью многих поколений универсальный национальный хронотоп, важнейшими пространственными знаками которого являются поле Косово, река Ситница, Голеч планина, Самодрезжа, Призрен, Крушевац, Баньска, Звечан, Чечан, а временные рамки не ограничиваются – охватывают весь период борьбы за Крест Честной и Свободу Золотую.

Поэтому не просто как шедевры поэтического творчества моими соплеменниками воспринимались народные песни «Гибель Сербского Царства», «Смерть Матери Юговичей», «Заклятие князя», а также «Надпись на Косовском столпе» Стефана Лазаревича, «Слово о князе Лазаре» Патриарха Даниила III, «Симонида» и «Покинутая церковь» Милана Ракича, равно как и подобной тематики произведения сербских авторов новейшего времени. Собственно, кто из сербских писателей мог пройти мимо темы Косова?! Но, разумеется, далеко не все они представлены в переводах на восточнославянские языки. Между тем даже перечень авторов произведений на данную тему, опубликован-

ных за последнее время в Беларуси, не так уж мал. Это поэзия Десанки Максимович, Матии Бечковича, Любомира Симовича, Милорада Джурича, Слободана Ракитича, Джоко Стоичича, Раши Перича, Адама Пуслоича, Радомира Андрича, Драгомира Брайковича, Драгана Драгойловича, Зорана Костича, Драгана Лакичевича, Любицы Милетич, проза и эссеистика Добрицы Чосича, Драгомира Попновакова, публицистика Марко С. Марковича, Марко Радуловича, Момира Лазича, Слободана Ярчевича, Зорана Милошевича, Иваны Жигон...

Особо следует отметить многоплановую деятельность Чрезвычайного и Полномочного Посла Сербии в Беларуси господина Сречко Джукича, который не только сам активно выступает в печати, но и всеми средствами поддерживает любое дело, способствующее сербско-белорусским связям, уяснению правды о ситуации в Косово и Метохии.

В последние годы проявляется огромный интерес к сербской духовной литературе. Поэтому значительная масса русскоязычных читателей постигает содержание «Косовского завета» с помощью переводимых как в России, так и в Беларуси трудов святителя Николая и аввы Иустина, а также немногочисленных пока русскоязычных текстов нынешних иерархов Сербской православной церкви – патриарха Павла, митрополита Амфилохия, епископов Артемия и Афанасия (Евтича).

Поскольку информация о реальном положении дел в Косово и Метохии скудна и, как правило, далека от объективности, для нас особо значимы сведения, что называется, из первых рук. И в этом плане безусловно важную роль сыграла экспозиция фотографий и документальных материалов «Распятое Косово» (автор-организатор – доктор Любиша Фолнич), которая была представлена в рамках VII Минского международного фестиваля церковных песнопений. В дополнение к выставке посетившие нашу республику Его Пресвященство епископ

Памятник меценату и просветителю Симеону Зоричу в Шклове

Рашско-Призренский Г. Артемий, монашество его епархии, косовский поэт Ранко Джиневич, актриса Ивана Жигон, этномузыколог Светлана Стевич Вукосавлевич имели встречи с жителями белорусской столицы в Музее истории культуры и в вузах, в Доме милосердия и нескольких церковных приходах. Тогда же Ивана Жигон провела презентацию фильма о белорусском режиссере Михаиле Пташукe на основе материала, снятого в многострадальном Косовско-Метохийском крае, который она посещала вместе с коллегами-кинематографистами – белорусом М. Пташукoм и русским Н. Бурляевым. Оставило заметный резонанс и участие детского художественного коллектива «Косовски божури» в театральном фестивале «Золотой Витязь» в Минске в 2005 году. Неизменно большой интерес вызывают сербские документальные фильмы, особенно с косовской тематикой, на ежегодном минском кинофестивале «Лістапад»...

Подчеркнем: этнокультурная оппозиция «мы – они» и, соответственно, «родственное – чужое» со времен Игнатия Смольянина (а значит, и князя-мученика Лазаря) для наших народов если не отсутствует вообще, то имеет минимальное значение. Более всего это проявилось во время войны НАТО против СРЮ 1999 года. А также и позднее, когда приходили сообщения: «Сожжен монастырь Святой Троицы в Муштуште»; «Православный храм Приштины превращен в общественный нужник»; «Осквернено кладбище, разрыты детские могилы у Вучитрна»; «Осквернено сербское

кладбище возле Витины»; «Произведения сербской литературы в контейнерах для мусора»... Понятно, «прогрессивные» СМИ внушали и внушают: «*Это не наше дело*». Но в подавляющем большинстве мои соотечественники реагировали на все это не иначе как: «Ваша боль – наша боль; ваши утраты – наши утраты; ваша скорбь – наша скорбь». Святыни Косова и Метохии, а также культурные памятники этого края являются нашим общим достоянием, и это не риторика, а осознанное выражение причастности в разных планах. Взять, к примеру, славный монастырь Высокие Дечаны. Для него, как известно, в 1862–63 годах изготовлялись колокола в Архангельске и доставлялись они российским флотом (см. Васильев Д., Длужневская Г., Малевинская М. Православные святыни Балкан. СПб, 2004. С. 96–99); а в XX веке архимандритом этой обители долгое время был монах Киево-Печерской лавры Фаддей, келейник митрополита Киевского Антония (Храповицкого). И как раз эти чувства отразились у наших современников – Виктора Юнака, автора романа «Дань кровью», иеромонаха Романа (Матюшина), написавшего стихи «У поля Косова» и давшего своей книге название «*Там моя Сербия*», а также у поэтессы Валентины Невинной, в стихотворении которой отнюдь не случаен рефрен: «*Повторяю: Россия! Ты – сердце мое. Сербия! Ты – предсердие*»; особенно же убедительны и вразумляющи для нас строки русского поэта Игоря Ляпина: «*Бьют по Косово залты НАТО, Это ломится к нам война*». И то, что сербское национальное тело расчленилось на части, большинство граждан Беларуси, России, Украины воспринимают не иначе как общеславянскую историческую трагедию. О чем, кстати, мне доводилось свидетельствовать публично (см. Трэцяя сьветная ідэя ўжо амаль месяц // Чырвоная змена. 27.04.1999. С. 2–3; «Царкоўнае слова» (спецыяльны выпуск). 1999. № 5; Над полем дроздов летаюць стэрвятнікі // Во славу Родины. 28.05.1999. С. 4; Вайна ў Югаславіі: Сэрбы пакідаюць Косава // Царкоўнае слова. 1999, № 11. С. 9; Геноцид сербов в Косово прадаляецца // Во славу Родины. 9.12.2000. С. 1; «Святая Русь» (Минск, спецыяльны выпуск жур-

нала, посвященный братской Сербии), 2000, № 1; Косовская битва в историческом сознании сербского народа // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. 2000, № 4; Косовская битва продолжается. – Мн.: Братство Архистратига Михаила, 2000; «Распятае Косава» // Літаратура і мастацтва, 21.02.2003. С. 3; Кровоточащая рана в сердце Европы (Что происходит в Косово и Метохии) // Неман. 2005. № 1. С. 142–148; Вступ. слово к публикации: Чосич Добрица. «Я замыкаю свой косовский круг...» // Всемирная литература. 2007. № 1. С. 177–181).

Возвращаясь еще раз к вопросу о правомочности мне лично высказываться о Косово и Метохии, отмечу, что я знаю этот край не понаслышке и не только по книгам. Как участнику международных славистических мероприятий и писательских встреч мне довелось многократно бывать в косовско-метохийских городах и селах, в школах и музеях. Особенно – в монастырях, благодаря которым я возвращался к православию. Естественно, я с самого начала был просто поражен их богатством – изумительная по своеобразию архитектура, бесценные фрески и иконы, множество древних рукописей и старопечатных книг, неповторимые образцы предметов сакрального обихода... Посещал я Косово после оккупации тоже. И свидетельствую, что видел со стороны властей как федерации, так и Сербии, а прежде всего со стороны сербского населения края не просто веротерпимость и гражданскую толерантность, не только наличие условий для мирного сосуществования, но и явную заботу о культуре албанского национального меньшинства – сами за себя говорят наличие Приштинского университета, помпезная внешне и отлично обустроенная Приштинская библиотека, существование более 50 журналов и газет на албанском языке, активное функционирование косовско-албанских книжных издательств... Не меньше говорит и то, что в сербских монастырях прятались от внешней военной угрозы также албанцы, равно как и то, что Его Высокопреосвященство Митрополит Амфилохий лично становился на защиту Байракли джамии от разрушения, которое намеревались осуществить

духовно смятенные сербы. Для меня в этом однозначно видится смысл известного, но столь трудного в осуществлении для сербов правила: «Сохранить жизнь и спасти душу».

Сама по себе Косовско-Метохийская земля является общенациональным Пантеоном, кладбищем героев и средоточием святынь – свыше 1300 монастырей, церквей и церквовиц, в числе которых, если говорить языком светским, более 160 памятников международного значения; здесь находилась древняя столица правителя светского и донныне на-

ходится Трон Первоиерарха Сербской церкви. Если коротко, то Косово и Метохия – это краеугольный камень в основаниях сербской нации, сербского государства и Сербской церкви; а вместе с тем и пробный камень для сильных мира сего, взявшихся решать дальнейшую судьбу Косова и Метохии, а тем самым и сербской нации в целом. Обобщая же, лучше всего использовать труднопереводимое, собственно сербское слово «ЈЕЗГРО», которое означает важнейшую составную часть существа, сердцевину – сербской государственности, национальной истории, культурной сущности, духовности. То, что жизненно необходимо, постоянно действенно и незаменимо. И как же могут сербы отказаться от Косова и Метохии? Какой народ готов добровольно пренебречь своими истоками и духовными корнями, отдать на попрание свои святыни и отеческие гробы? А как считающий себя цивилизованным мир может допустить уничтожение сердцевины христианской сербской и общеславянской и, соответственно, части мировой культуры? Это было бы воистину крупнейшим в истории нашей цивилизации, не имеющим никакого оправдания преступлением против человечества.

